

Ю. К. БЕГУНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА О ГЕОРГИИ И ФЛАРЕНТЕ

В Мордвиновском рукописном сборнике конца 50-х гг. XVIII в., в котором в 1975 г. мы нашли Повесть об Евграфе и Александре,¹ читается еще одна неопубликованная повесть того же времени: «Гистория о франъзуской королевне Фларенте и о королевиче Георгии Италианском, и о протчих малтийских ковалерах». Сохранившаяся в единственном списке, эта повесть тоже относится к послепетровским любовно-авантюрным повестям волшебного-рыцарского типа, по классификации В. В. Сиповского.² Состав сборника, переписанного мелкими чиновниками города Волоколамска,³ свидетельствует об интересе демократических читателей небольшого города к беллетристике «русской народной книги», которая в то время восполняла отсутствие романов для «легкого чтения». При первом чтении бросается в глаза сходство в языке, стиле, способах построения сюжета и образов с Повестью об Евграфе и Александре. В центре внимания автора находится судьба знатной влюбленной пары, преодолевающей все препятствия и испытания судьбы и в конце концов соединяющейся навеки. Главный герой — итальянский королевич Георгий, галантный кавалер и доблестный рыцарь, его возлюбленная — дочь французского короля красавица Фларента, добродетельная

¹ Ркп. Государственного Литературного музея в Москве, собрание рукописей, № 60 (бывш. Ростовского музея, № 405). О ней см.: *Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века об Евграфе и Александре // XVIII век. (Л., 1983.)* Сб. 14: Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 207—231.

² *Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа.* СПб., 1909. Т. 1. Вып. 1. С. 284.

³ *Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века...* С. 207—208.

тельная и верная. Первый персонаж напоминает португальского королевича Александра из Повести об Евграфе и Александре, а второй — дочь египетского князя Велериану, возлюбленную Александра. Молодые люди обеих повестей красивы, благородны, отзывчивы, добры, приветливы и галантны, владеют основами «ковалерских наук», в том числе и шпагой, способны на самопожертвование, решительны и смелы в отстаивании своего права на свободу и любовь.

Персонажи повести носят иностранные имена. Это Бранденбургский король Христоан, учитель музыки и танцев королевы Фларенты мальтиец Диорест, сын кузнеца Флегонт, сестра голландского короля мачеха Фларенты Доротей. Все они играют важную роль в развитии действия то замедляя его, то ускоряя; Флегонт и Доротей — носители «злого начала». Автор повести хорошо знаком с придворной жизнью царственных особ, а также с военным делом и медицинской практикой. То же самое надо сказать и про автора Повести об Евграфе и Александре. В обеих повестях действуют персонажи, функции которых в развитии сюжета подобны: латонские кавалеры — мальтийские кавалеры, гишпанский король Калдерфут — брандербургский король Христоан, злой монах Иосаф — безнравственный Флегонт; безымянный волхв, добрый волшебник — спаситель действует в обеих повестях, появляясь в самые критические моменты, ближе к концу повести. Много общего и в языке послепетровской эпохи, изобилующей иностранными словами, и еще больше общего в способе построения сюжета и композиции. Композиционно повести состоят из двух-трех десятков эпизодов, связанных между собой единством сквозного действия и единством нравоучительной цели. Само действие проходит в «российских Европиях», т. е. в европейских государствах — Франции, Италии, на Мальте, а в Повести об Евграфе и Александре — еще в Испании, Португалии, Египте, Индии, Молдавии, Лантонском королевстве и в области восточных морей; однако никакого специфически окрашенного быта или местных реалий не имеется. Персонажи ведут себя очень свободно и раскованно, как русские дворяне послепетровской эпохи. Они обучаются у фрейлин (!?) и профессоров кавалерским наукам (грамоте, музыке и танцам) и, конечно, военному делу у офицеров, танцуют и поют канты, справляют «тезоименитства» и «виктории» с пушечной пальбой, «кушают водку», на банкетах потчуют друг друга напитками, угощаются «конфектами», носят кольца и часы, а в карманах — портреты возлюбленных, червонные платки с вензелями или платки-трафклом, а на поясе — шпагу; они спорят друг с другом о чести и сражаются на дуэлях, посещают королей и королев, отдают честь «во фронт» и делают комплименты, а

сами живут «на квартирах» и в «апортаментах», письма разносят с курьерами и пажам, либо через директора почт, новости узнают от камер-юнкеров двора, ездят на аргамаках и в «покоевых колясках» или в экипажах, занимаются псовой охотой, лечатся у докторов и ходят в аптеки, уважают «херурхическую науку», щедро расплачиваются за все «червонными» по 50—100; слуг зовут «челядниками», солдат — «драбантами», прислужниц — «мамками», комнаты — «покоями», возвышения — «амвонами», короля — «государем-батюшкой», крыльцо — «сенями».

В лексике повести много иностранных слов, заимствованных в Петровскую эпоху, а именно: «апортамент», «аптека», «афицер», «афицы», «вензель», «драбант», «дуеля», «ковалер», «камора», «квартира», «комплемент», «консилиум», «контракт», «корпус», «куриер», «литеры», «паж», «патрет», «пистолет», «тезоименитство», «термин», «фонарь», «фрелина», «фрунт», «церемония», «часы», «чесовой», «шпага», «экзамен», «экипаж». Обращают на себя внимание два случая употребления русских диалектных слов:

1) Королева Фларента заявляет пришедшим к ней в гости кавалерам: «Милостивый государи, знатнейшие кавалеры! прошу вас тяртиги свои отложить до другаго числа, понеже в вас имею нужду отринуть от меня смертны яд и не дать во владение мерско пакостноту» (л. 68—68 об.). Здесь слово «тяртиги» в значении «споры», «распри» имеет сходство с родственным ему словом «тирка» (от глагола «тереться») в значении «потасовка» из псковского говора (см.: *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1982. Т. 4. Р-У. С. 401).

2) Королевич Георгий «отбил замок у гробницы Фларентиной, раскрыв смотрел ея персону, и плакал неутешно. Однако не хотя оставить⁴ на том месте, взяв с собой гавесь во отечество свое» (л. 76). Из контекста мы узнаем, что «гавесь» — это «труп» или «мертвое тело» королевны, которое королевич извлекает из гробницы и берет с собой в Италию. В словаре В. И. Даля есть ссылка на рязанское диалектное слово «гавезь» в значении «множество», «тьма», «пропасть» (Т. 1. С. 339), а у М. Фасмера находим слово «гаведь» в значении «дрянь», «мерзость»;⁵ ср. в польском языке — «gawiedź» в значении «паразиты», «сброд», «чернь», и в болгарском языке «гаведь» в значении «дикое животное». Здесь оба выражения — «тяртиги» и «гавесь» — свидетельствуют об исконных связях лексики повести с народной лексикой.

⁴ Испр., в ркп. ошибочно написано «оставиль».

⁵ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. 2-е изд. М., 1986. Т.1: (А-Д). С. 379.

Весьма любопытно и употребление слова «езель» (по-немецки — «осел») по отношению к аптекарю, а именно: «И взял Флегонт те червонцы, поехал в аптеку, в которой улучил одного езея и просил его, дабы отпустил ему ядовитаго лекарства» (л. 70). Перед нами разговорный вульгаризм тех времен вряд ли свойственный Германии, но вполне возможный в России XVIII в. в жаргоне молодых дворянских повес.

Каким временем следует датировать Повесть о Георгии и Фларенте? Мы полагаем, что концом 1720-х гг. Ведь в повести подчеркивается могущество «ковалерской науки», что мы связываем со второй половиной 1725 г. и позднее, когда была образована практически императорская Российская Академия наук (по указу Петра Великого от 28. I. 1724). К этому же времени (1725—1727 гг.) мы относим и Повесть об Евграфе и Александре, может быть написанную тем же автором. Дальнейшему исследованию обеих повестей мы предполагаем посвятить специальную работу.

Из контекста новонайденной повести мы узнаем, что ее автор был начитан и весьма образован. Так, в ней говорится, что французский король весьма удивлялся искусству мастера, написавшего портрет Фларенты, «и не надеялся, чтоб кто скопировал ей патрет, понеже у Мартириалове тайне то мастер не может прибрать» (л. 64 об.) Смысл этой фразы в том, что французский король сомневается, может ли мастер постичь Мартириалову тайну, т. е. тайну происхождения рода человеческого, в том числе и этой ненаглядной красоты — королевны Фларенты. Стало быть, автор повести знал легенду из иранской зороастрийской мифологии о Мартиа и Мартианасе, супружеской паре, прародителях человечества.

Мы публикуем текст Повести о Георгии и Фларенте по рукописи Государственного Литературного музея, № 60, л. 63 об.—78 об. с орфографическими упрощениями, а именно: ѣ заменяется на е, ь и ъ в слабом положении на концах слов опускаются, ѣ заменяется на я, і на и; в квадратных скобках даются восстановленные нами при прочтении рукописи слова и буквы; все исправления оговариваются в подстрочных примечаниях.

об.

ГИСТОРИЯ О ФРАНЦУСКОЙ КОРОЛЕВНЕ ФЛАРЕНТЕ И О КОРОЛЕВИЧЕ ГЕОРГИИ ИТАЛИАНСКОМ, И О ПРОТЧИХ МАЛТИЙСКИХ КОВАЛЕРАХ

Когда французскаго короля супруга родила дочь, именем Фларенту, которая во младенчестве себя оказала красотою пребезмерною лица, и как увидел ея отец, говорил своя супруга: «Много

случилось видеть младенцов, токмо такового, как родился, первого вижу». Потом избрав в своем саду хорошее место, в котором приказал учинить каменный столп, и на нем постронть два покоя. И как оное устроено было, в которыхя определил быть его дочери⁶ Фларенте, и при ней определены были две девицы-мамки, которыхя в тех покоях и были. И как случилось быть одной Фларенте в летах юношеских, на что определена была при ней некоторая фрелина для обучения той королевны грамоте, музыки и танцевать. И как оная тому⁷ была обучена, которой случилось свою профессоршу спрашивать о-ее науке, где она сама обучилась. ||

л.

Которая ей объявила, что обучена некоторым квалером. Что слышав, Фларента просила ея, дабы показала своего учителя, от котораго желает болие обучится. Профессорша же об нем объявила, что его во Италии нету, но поехал во отечество свое. Между тем случилось итти от нея реченной мамке, которой надлежало быть у родителя Фларентина того ради, что тот день тезоименитство ея мамке, которою Фларента спрашивала, что куда она намерение имеет итти, которая объявила, что для поклонения родителя ея. Фларента же говорила: «Как родителя моего и родительницы не знаю или имеют гнев, что мне видеть себя недопущают, пожалуй, попроси моего родителя, дабы мне себя показал». Мамка же пошед объявила то своему государю, которой слыша о том радовался и приказал просить дочь свою в свои покои. Которая пришед убрала Фларенту и просила в родительевы покои, которыхя желают ея видеть. И как оная королевна пришла ко отцу своему и по должности отдать ему поклон хотела. Отец же ея не знает, что с нею говорить, видит такую лепоту дивовался, || и не надеялся, чтоб кто скопировал ей патрет, понеже у Мартириалове тайне то мастер не может прибрать. И как определи[ли]сь ей покои в близости своей спални, то паки просила Фларента свою профессоршу, дабы объявила своего учителя. Которая пошед просила его, чтоб он шел к королевне, и оны убравшись пошел. По приходе своем пред королевною играл многия канты и танцы. И она тому объявила, чтоб ея тем обучил. И как оны обучил, между тем скопировал ея патрет, которыхя смотря думал: «Аще бы имел в себе великую силу и обучение квалерския науки, то бы как мог отдать такую другому». И вздумал ехать в Малтию для той науки. Пришед к Фларенте говорил: «Милостивая государыня, вчерашнего числа имел получить из отечества моего письма, по которым велено мне явиться родителю моему и при отезде моем оставляю науки моей вам

л. 1
об.

⁶ Испр., в ркп. дочериин.

⁷ Испр., в ркп. туму.

книги, по которым изволите обучитца и без меня, а по возвращении моем экзамен от меня получите». Которыя взял от него книги, позволи ему ехать во отечество, которы и поехал по намерению в Малтию. ||

И потом вскоре случилось приехать во Францию Брандбургскаго государства королю Христоану, которы имел по завоеванию некоторых французских городов, со онаго французскаго короля брал данн в год по двести тысяч. И как случилось оному быть у французскаго короля и для его приездy учинени была виктория с пущечною палбою. И как случилось оным [быть]⁸ кушать, между тем приказал подносить дочери своей вотку. И когда она просила того Брандбургскаго короля, которы видн ея говорила бестыда: «Король французской, милостивы государь французскаго государства высочайши король, отроль сн семени вашего дабы был мне товарищем, за что вас готов причитать за отца моего, а завоеванные мною сколько у меня городов отдать во область твою». Которы слыша то ответствовал: «Милостивы государь, самим вам не безызвестно есть, что дочь моя в летех еще децких, а что же по воли твоей все учинить, с охотою моею всячески желаю». На что говорил король Брандбургской: «За приветство ваше покорнейше благодарствую, токмо прошу⁹ || мой перстень отдать моей невесте», при том же приказал учинить пущечную палбу, и веселились довольно. Потом говорил король Брандбургски, чтоб положить термин сочетанию брака на пять лет, а буде волею Божию сего света отидет, то в областню ево владеть Фларенте. И утвердили между собою контракт, и побыв мало во Францы поехал во отечество свое.

Учителю же Фларентену Диофесту случилось приехать в Малтию и обучитца у некотораго профессора, к тому же имел компанию со многими ковалерами. И как были собраны все малтискія ковалеры к тому профессору для экзамена некотором, ис тех ковалеру. И как оныя собрались в дом того профессора при том же и Диорест случился быть, и нечаянно ис кармана своего с платком-трафком выдернуть патрет Фларентин, которы други ковалер развернул показать прочим ковалерам. И дивовались таково лепоте, и говорили, чтоб то было когда живую видить случилось, на что и объявил Диорест: «Я имел честь видить тою госпожу живую и для нея || приехал в Малтию обучатца», то спрашивали его те ковалеры, в котором государстве тою красавицу случилось ему видить. И он объявил, что французская королевна, именем Фларен-

⁸ В ркп. это слово заключено в квадратные скобки.

⁹ В ркп. эти слова приведены дважды.

та. То они Диоресту объявили: «Поганаго семени рождения, как смел смотреть на такую персону, нежели тщится быть ей мужем, рекомендуем о тебе, меньшему от ученик наших, дабы венчался вместо ея концем своей шпаге». И менши от них ковалер обнажил свою шпагу, пришед к Диоресту, говорил: «Зри свою невесту, которая пред тобою яко молния сияет, и не умедля почтутся венчать». Больше ничего не говоря, и закол[ол] его на том месте, потом связав ево, и бросил того професора в погреб, в котором стояли напитки. По отшествии же экзамената те ковалеры между собою содержали косилум, чтоб ехать во Францию видить королевну Фларенту. И поехали, которых было числом 93 персоны. Професору же тому случилось спросить от своего казначея некоторых напитков, которы и пошел в тот погреб. И как вошел || и увидел того Диореста мертва, пришел в велики ужас, возвратясь донес о том своему господину. Которы думал о нем, что он закрылся в том погребе для напитков, от которых напився и здох, токмо приказал ево в нужник вбросить.

л. 6
об.

Потом как приехали преждереченныя ковалеры во Францию, и не спрашивая никого прямо в дом королевски, и стали все фронтотом и отдали честь королю французскому. Которы видя тех ковалеров, сумлевался, откуда таковыя ковалеры присланы и какой ради притчины. Однако те ковалеры; встав с своих лошадей, и пошли к королю в полаты. И как были у короля, которой их спрашивал, что суть притчина приезда их во Францею. На что ответствовали ковалеры: «Принудила нас быть в Франции дочь ваша Флоренто, которую желаем видить». То король пошел к дочери своей, и объявил о приезде тех ковалеров, которы желают ея видить. Флоренто же убравшись, и пошла к тем ковалерам. Будучи у них || просила их воткой. И как оныя увидили Фларенту, то один из них советовал, чтоб взять ее старшему, на что протчия все единогласно говорили, что из них не найдутца ни старшего, ни младшего. Аще от дуделя кто оставшей явитца, быть тому поручаему. Королевна же на то объявила: «Дабы для меня того чинить не изволили и толкое число персон напрасно погибнуть не дерзали. Аще имеете между собою старшаго или младшего, ис тех надлежит учинить к тому достойным». Ковалеры же пакн ей объявили: «Милостивая государыня Флоренто: мы вси убо равны суть, токмо желаем положить термин», отдав королю и Фларенте поклон, поехали по своим квартирам.

л. 6

По отпущении же тех ковалеров король с супругой своей советовал, что аще от реченнаго дуделя оставши один явитца и возмет Фларенту, а когда уведает Брандебурский король, то оставшегося [нрзб] ковалера всячески победит даже от руки не неиз-

67. об. бегу [т]. А Фларента итти за него не желает, того ради, что он находится в летах || немолодых, к тому ж и потретом своим зело пакостен, токмо Фларента советовали отцу своему, дабы его просил во Францию до дуделя тех ковалеров, котория всячески потчутся его победить. Что слышав король написал письмо и послал к тому Брандербурскому королю, который полгча то письмо отпустил того курьера и приказал своему государю донести, что неукосня во Францию будет. И как тот курьер приехал во отечество свое, объявил королю предреченное, что слыша король послал к малтиским ковалерам и приказал их просить к себе. Которые по получении того приказа явились в дом того короля, спрашивали, какой ради притчины желал их видеть пред собою. Фларента же, как уведомились о приходе тех ковалеров и услыша, что вопрошает отец ея, растворив двери вошла в ту палату. Ковалеры же оставя все разговоры смотрели на Фларенту, отдали ей комплемент. Королевна же стоя пред ними говорила: «Милостивыи государи, знатнейшия ковалеры! прошу вас || тяртиги свои отложить до другаго числа, понеже в вас имею нужду отринуть от меня смертны яд и не дать во владение мерско пакостноту». Ковалеры же на то объявили: «Милостивая государыня, по желанию вашему учинить сие готовы и ожидать будем, как вы, наша государыня, о том соблаговолите и о том». Она королевна отдав им поклон, пошла в свою камору и ковалеры разошлись по своим квартирам. Потом вскоре приехал Брандербургский король и спрашивал до него. Что касаетца нужди от короля французскаго, которы ему ответствовал: «Милостивыи государь, от сердца моего желаю быть дочери моей в воле твоей, токмо из Малти приехали несколько ковалеров и просить твою невесту, а мою дочь. Того ради вас просил, дабы вами от них освобожден был». На что ответствовал ему тот Брандербургский король: «Давно ведает о имени моем все матийския ковалеры, что от руки моей никто может стоять. А что ж их хоть в несколько числом не было, то всех поражу под ногами любезнейшей Фларенты, а другие то себе в страх примут'и впредь нахалством || во Францию вступать не будут». Однако постигло ево 68. об. nocturnое время, то той король начевал в доме королевском. И наутрне встав вооружился. Королевна ж еще и с вечера дала знать ковалерам о приезде того короля. И ковалеры те все были того утра в собрании и приехав к спални Фларентиной отдали ей честь. И как уведомился Брандербургский король о приезде тех ковалеров, позабыл как и вотку кушать, вскоре вышел на двор, сел на своего аргамака и выехал противу тех неприятелей, которые увидев ево бросились все обще, яко множество псов напали на одного зайца, аки ветром прах развеян, что никто не умел части собрать его корпуса, что видя Фларента, отворив окно смеялась, притом же и благодарна за такую ими показанное к ней милость.

Потом те ковалеры поехали на показанное место, где уреченно быть дүелью. И как выехали билнсь между собой един противу другаго. И которые остались две персоны и от утомления более битвы не производили, токмо един говорил, чтоб ехать в свои квартиры и призвав доктора польоватца от многих и течщихся || на них ран, а по излечении выехать паки до дүеля и оставшему владеть Фларентю. Потом как приехали в свои квартиры просили хозяев, дабы ими сыскан был доктор для ползования их болезней, которые про просьбе той искали и нигде найтить не могли. С тем те ковалеры и остались.

А как тот дүель между ими происходил, при котором случилось быть некотораго күзнеца сыну ево, именов Флегонтү, котораго по отпущении с того места оставших двүх ковалеров и имеющихся при убитых ковалеров червонныя платки, часы и протчее обрал. К тому ж зделал себе увор богаты, и призвав к себе некою старүхү, много лет имеющюю, которая пищу имела мирским подаяннем, призвав ее к себе подарил ее пятью червонными, при том же приказовал, дабы пошла в квартиры тех ковалеров и объявила им об нем, что он доктор и херүхрическую науку знает в тонкость. Которая взяла те червонцы, пошла в квартиру || тех ковалеров. Пришед просила по знакомствү от тех хотя бы милостинны, потом же просила, чтоб позволили ей быть в их покое для согрения от стүжи, которые ей и приказали. И она вшед, сидела и притом спрашивала о болящем, кто он таковы и давно ли в той болезни находитца и кем пользуетца, на что ей ответствовала того дому хозьяка, что тот трудоваты—приезжей ковалер малтийский, и тою болезнию обдержим и многия дни, токмо никем не ползуетца, но ты ходишь по многим домам для милостыны и болие можешь знать докторов, и буди сыщишь, то оной ковалер наградить тебя может великим богатством. На что она ответствовала, что знает доктора такова, которой докторами оказателнүю болезнь исползовал чрез три дни. На что услышав той ковалер, призва ее к себе, просил, дабы того доктора призвала емү в помощь, за что ей подарила денег червонных, при том же обещал еще дать пятьдесят червонных. Которая пошед то объявила Флегонтү || мни[мо]мү докторү, что той || болящей желает его видить, чему радовался Флегонт. Вскоре приказал оседлать аргамака и поехал. И как был ү того ковалера, написал емү латынским диалектом некоторою цыдүлү вместо рецепта, по которомү приказал взять лекарства из аптеки, токмо той ковалер просил ево, дабы он возымел труд — и взял то лекарство сам, и дал емү 100 червонных. И взяв Флегонт те червонны, поехал в аптеку, в которой үлучил одного езея и просил ево, дабы он отпүстил емү ядовитаго лекар-

ства, понеже он имеет охоту ловить зверей. Которой видит его, что в богатом убранстве и при шпаге, мнил его офицером и поверя его афицы, отпустил того лекарства, за которое Флегонт заплатил ему 5 червонных, взяв и поехал обратно к тому ковалеру, и приехал, учинил то лекарство с канфектом и дал ему принять, от которого приема того же мамента тот ковалер сего света отиде, то Флегонт закрыв его одеялом и вышед из той каморы, хозяевам приказал, дабы не разбудить того ковалера, понеже ему после приема лекарства надлежит || долгое время спать. Хозяева слыша тот приказ от мнимаго доктора и убоясь свирепости того ковалера, не токмо в близости той каморы в двери ходит, но из покоев тех, вышли в другие. Потом мало побыв в своей квартире, паки поехал к тому ковалеру, взяв с собой надежного челядника и покоевую коляску. И как приехал видит, что никого при том ковалере нет, и с челядником своим взяв его, вынес в коляску и весь его экипаж забрал, хозяевам же объявил, что когда он свободится от болезни, то что надлежало заплатить за постоялое — неукосня пришлет. И как его привес в свою квартиру, подписал на руке его вензель и, обождав ночи, приказал тому челяднику вывести к прочим ковалерам. Воутре же встал, надел на себя того ковалера латы, шелом и шпагу и пошел в квартиру другого ковалера. Пришед говорил: «Ну, брате, я ныне явился быть правым, более уже терпеть не буду», обнажил шпагу и заколол того ковалера.

71 Потом приказал приобщить к тем же ковалерам. ||

А сам пошел в дом королевски и явился королю и объявил о себе, что он от девяноста трех персон о[ди]нъ явился быть.

Король же его принял с великою честью и определись ему в своем доме особливые апартаменты. Поспешал же Флегонт вскоре быть сочетанию брака, токмо вскорости Фларентини родительница дух предаде, и после ее остались детей два сына малолетняя, и третья — Флорента. Которая мать ее погребли з достойною честью как надлежит королеву. По погребени же приказал родитель Флорентин устроить 92 гробницы, в которые приказал положить телеса умерших ковалеров и на гробницах подписать всякому их вензель, избрав высокую гору ве[ле]л учинить великий каменны амвон, на котором те гробницы и поставить и покрыть железною крышкою, которой над теми гробницами приказал поставить убраны золотом и серебром балдахинь и средник его подписать патрет Флорентин, под которым положить || литеры сицевым образом:

Т.р.к.в.с.м.з.п.в.

«Толикня ради красоты волею смерти многыя знатнейшия персоны восприяли».

По окончании же того погребения и украшения амвона из Италлии приехал королевич Георгий на отмщение смерти брата своего, который был в компании с теми ковалеры. Приехал в дом королевский и просил того короля, дабы объявил, где положено тело убитаго брата его. К тому ж просил объявить победителя их, с которым желает ехать до дѣла на отмщение смерти брата своего. Король же, слышав то, пошел к Флегонтѣ и объявил ему выезд до дѣла, которой, хотя и не хотелось, однако, стыд свой закрывая, надел латы, шишак и уврался как надлежит ковалеру, выехал противу того королевича Георгия, то оны королевич, не давъ ему вынуть из ножен своей шпаги, || и отрубил ему голову купно с левою рукою. По побѣди той паки приехал к королю, благодарил его за показание того победителя. К тому ж еще просил, дабы позволено было взять тело брата своего для отвезения во отечество свое. Король же приказал ему взять и проводить из града церемонною. И как случилось быть королевичу на том месте, где стоит телеса ковалеров и увидил в балдахинѣ патрет Фларентин, на которой смотря дивовался и говорил: «Конечно, надлежало таковым персонам за такую красоту и смерть принять». И думал ея мертвой с теми же ковалеры погребенной быть в той склеп, что патрет ея над гробницами поставлен, еще не зная, что она еще здравствует, токмо взяв тело брата и поехал во отечество свое. И по приезде погребение учинил с надлежашею церемонною. ||

л. 7

И по отпущении того королевича французский король вздумал женитца и взял галанского короля сестру, именем Доротею, которая усмотрела патчиерицу свою Фларенту, и думала об ней, что уже время ее быть в замужестве. По отпущении ж многих дней говорила супругу своему, что имеет она в отечестве своем сестры своей сына, за котораго советует отдать Флоренту, «понеже де не сын он мне и втораго колена, но и закону нашему-то не в противность будет». На что ответствовал ей король: «Во-первых, спрошу Флоренту, что она пожелает ли итти замуж», и пошел в ее спальню, говорил: «Любезнейшая Фларента! Богом данная всем мать изыскала жениха, хотя он и в свойстве находитца, токмо ничто в противность закону нашему быть может». На что ответствовала Фларента: «Милостивы государь-батюшка! Лутче изволь отдать за последних от ваших драбантов или учинить монашеское уединение, || а того греха понести не желаю, чтоб быть мне за свойственником нашим». Боле ничего не говорил ей, пошел и [с] спальни и объявил супруге, что Фларента не мило себе к склонению являет. На что разгневалась королева, говорила: «Когда Фларента за племянником моим быть не желает, то и за другим

л. 7.
об.

л. 73

ни за кем не бывать, и препроводить девичество может до конца своей жизни».

А когда з Италии приезжал королевичъ Георгій для взятъя тела брата своего во отечество, котораго многократно случилось Флоренте его видить, он же Фларенту нигде не видал, токмо случилось ему видить один патрет ея, которой был над балдахиней у гробниц ковалерских, и думал об ней, что ана с теми ж ковалерами в гробнице поставлена, то Фларента вздумала писать от себя во Италию королевичу Георгию, в котором ево просила. дабы ея не оставил. Аще не погнушается соблаговоли бы ея взять в жену, написала ж и послала с своим пажем почт директору || для отсылки во Италию. Которон взяв пошел, держа то письмо в руках. Королеве ж случилось стоять на перилах в близости Фларентинных сеней. Которая усмотря, что паж в руке несет письмо, взяв у него, читала и приказала ему за собой итти. Которой пришел за нею в ея спалню, и она то письмо у себя оставила. А своею рукою письмо написала в такой силе, чтоб вперед он во Францию не вступал, понеже-де уведомился король французски, что не брата своего тело взял, но под таким лукавством то чинил и хотел увести Фларенту, думая ея быть живу, которая уже давно сего света отиде. «Как можно себя предостеречьни, король же французски со всяким почтением хочет тебя поведить, и я ж сожалея твоего здравие с сим уведомляю за печатью», и послала с тем пажем к почт директору. И как оное письмо каралевич Георгій получил, дивовался, что в бытность ево во Францын в мысли того не находилось. Однако писала, когда он желает того, чтоб Фларентино тело положено было в Италии, и то учинят всячески почтутся.

И хотел || ехать во Францию, однако постигла ево великая болезнь, в которой был долгое время. Королевна ж на посланное письмо ожидала известия, однако получить не могли, призвав к себе того пажа, который бысть послан с тем письмом, что отдано им то письмо для отсылки во Италию почт директору. Которой паж ей объявил: «Милостивая государыня, твое или нет свое письмо, толко отдано мною. Когда пошел с вашим письмом и, вышед в сени, держал в руке моей, которое усмотря королевна, взяв читала. Потом приказала мне итти за собою в свою спалню, где я ожидал долгое время и получил от нея такое ж письмо за печатью, которое отдал для посылки во Италию.» Королевна ж, ведая гнев мачихи своей, думала, что то письмо удержено ею, написав другое, послала с таким подтверждением, что «как оное письмо получил от тебя почт директор, ни малая мешкая со особливим куриером отправил». И как оное письмо отправлено было, о котором письме уведомилась мачиха Флорентина, и зная, что вскорости || Флоренте будет

день тезоименитства, приказала своей, фрелинне сделать сорочку Флоренте, которая и сделана была, токмо оная королева, мачиха ея, наполнина была злым еретичеством, которым учинила тое сорочку, что Флорента, когда наденит она ту сорочку, жива не будет. И как пришел день тезоименитства ея, то мачиха ее послала тое сорочку и приказала ей надеть. Флорента ж, как получила тое сорочку, вышел во особливую камору, и надела ту сорочку, то ни одного момента на том месте не стояла, и упала, и стала мертва.

И братья ж ея в долговременном разлучении не бывали при ней, хотя в сестра их ни один час куда отлучилась, оне от ней не отстают и в великой неразрывной любви находилсь, видят то, что сестра недолгое время нету, во прочих апартаментях искали и нечаянно зашли в тое камору. И как увидели сестру свою мертву, от малости сердечной едва мог говорить волшей брат меньшему: || л. «Любезнейши брате! Как мы с сестрой нашей в великой горячности сердечной были и тое видим ея мертву, да вселимся с нею воедино вечное жилище», и обножили свои шпаги, себя закололи, от которых язве и жизни свои окончили. Что ж усмотрели фрелинны Флорентины, вскоре объявили родителю ея о смерти тех трех персон. Что слыша, отец их не толко сожелее о дву сынах, как о Фларенте, немного и той себя не умертвил. Однако приказал им учинить гробницы и поставил в редких между ковалерами гробницы.

Италиански ж королевич, когда получил письмо подлинное от Фларенты, радовался сердцем, забыв свою болезнь и намерение свое восприял с охотою ехать во Францию, взяв с собою многих персон ис ковалеров по прозве королевны Фларенты. И приехал во Францию, спрашивал от многих придворных служителей о королевне Флоренте, в каком здравии находитца. На что ему объявили, что Фларента давно уже сего света || отиде и положено тело на л. об. том месте, на котором ковалеры погребены, чему он не поверил, думая, что оне сказывают по запрещению лукавой королевы, обнажа свою шпагу, рубил всех.

Потом спознался от дому королевскаго камер-юнкаром, котораго спрашивал паки о Фларенте, которой объявил то ж, которому и поверил, рва на себе власы, зарядя пистолет, хотел себя застрелить, но бывшие при том ковалеры до того не допустили. Однако Георгий находился в превеликой болезни. А как он занемог, то призвав к себе своих ковалеров, и приказал им ехать во отечество свое с таким подтверждением, чтоб объявили родителям о его болезни. При том же объявил: «Будн он от той болезни не свободитца и сего света отидит, а оставшего при нем пажа получают письмо, то в приезжали во Францию и учинили погребение в той Францции подле гробницы Фларентиной», отпусти ж и остался. || л. 7

И чрез несколько дней получил себе от своей болезни свободу и думал только принять прощение от тела Фларентина, уехать во отечество свое. Обождав ночного времени, пошел к тому амвону, взяв с собою пажу, котором приказал пред собою нести фонарь з горящею свещею. И как пришел к тому амвону, просил часового, дабы он допустил его видить тело Фларентино. Которой того по прошению не учинил.

Георги же не имел при себе никакого оружия, токмо от ярости и великаго сердца ухватил того часового за ноги и при нем стоящих протчих часовых вил до смерти. Потом отвил замок у гробницы Фларентиной, раскрыв смотрел ея персоню, и плакал неутешно. Однако не хотя оставил на том месте, взяв с собой гавес¹⁰ во отечество свое. И как случилось им быть во своем тракте, то говорила ему паж ево, что напрасно он везет то мертвое тело, за что он ухватил ево за волосы и бросил в некоторое озеро, которое в близости было, того || нхъ тракта.

76
об.

И как он приехал во Италию ночным временем тайно вошел в сады отеческии и поставил тое гробницу во <...>¹¹ ея, потом сел на своего аргамака и приехал в передни ворота и явился отцу своему, который радовался тому приездю. И как Георгий усмотрел, что родители ево опочивали, то он вышел в тот сад, взял гробницу и поставил в своей спалне, к родителям же своим никогда не ходил и всегда сидел над той гробницей и смотрел на Фларентю, от чего пришел в великою тонкость своего тела. Родители ж ево тому удивлялись, что сын их некуда не ходит, а о болезни своей не объявляет. Однако случилось быть день тезоименитства родителя Георгиева, то он пришел к спалню Георгиевой просил, дабы он для такаваго торжества шел в покои родителя своего, которой и обещал быть убравшись. И пришел к родителям по должности отдал им поклон. Отец же его просил, дабы он ехал для в встречи дяди своего, || которой убравшись и поехал. Родители его, как отпустили Георгия из дому своего, и пошли в спалню Георгиеву и видит, что спалня ево заперта, то приказали двери разбить, и вошли в спалню, в которой видит ту гробницу и в ней положенное мертвое тело, чему дивовалис и говорили: «Конечно, есть за что крушитца Георгию». Токмо разсуждали: «Сын наш, какая ис того ему привыль?» И взяв тое гробницу внесли в переднюю полатю, и видит на ней захватано рүками платье и сорочка, то по обещанию своему родительница Егоргиева хотела все на Фларенте переменить. И приказала ея из гробницы вынуть и платье все снять. И как сорочку с нея сняли, то Фларента стала быть жива, чему

¹⁰ В ркп. — гавесъ, в значении «труп».

¹¹ В ркп. неразборчиво, вроде — амбаръ.

все стоящих дивовались. Флорента ж тех всех предстоящих спрашивала, что где она обретается и чего ради так обножена, что ей ответствовали родительница Георгиева: «Моя государыня! вы в доме италийскаго короля и была в сей гробнице. А каким образом зделалася || тебе быть у нас, того не знаем, токмо наденемся, что известен о том сын наш, у котораго ты стояла в спальни, токмо желаю ведать о имени и чести твоей». И Флорента о себе объявила, что она королевна, французскаго короля дочь. А каким образом то над нею учинено, того она не знает. Что слыша, родительница Георгиева приказала принести свой убор новый и надеть на Флоренту. Которая убравшись, сидела в спальни у той королевы. Между тем приказали сыскать волхва, которой бы объявил им о том при спальне. И как тот волхв был сыскан и объявил, что Флоренте учинено то было ухищрением ея мачихи сорочкою. И взяла тое сорочку приказал бросить в огонь. Которая и брошена была, от которой все пламя обратилось в холод.

л. 7
об.

Потом вскоре приехал Георгий, и не ходя к родителям наперед в свою спальню пошел, || в которой не получил Флоренты, терзал себя немилостиво, о чем уведомилась ево родители и Флорента, и бросились к Георгию. И как он усмотрел Флоренту живу, радовался немало и того дня совокупился на ней браком и учинена была великая виктория. Потом опочивали.

л. 7

К родителю же Флорентину о уведомлении своего здравия, которое и отправили. И как той посланный привез те письма во Францию, у короля не получил, токмо королева взяла те письма, читала и паки учинила чрез свое еретичество два колца, и написала письмо, в котором благодарила за уведомление и послала, и тех писем супругу своему не объявила. И как привез то письмо, и колцы, которые не смела надеть, однако призвала того ж волхва, которые колцы предтворил в прах и просил позволения ехать во Францию, котораго и отпустила за кюрнера. И как оны приехал и короля не получил, токмо королеву, обратил во образ пса, которая стала бегать за тем волхвом и никуда не отстаёт, то он || присланные письма от Флоренты оставил на столе, а сам поехал во Италию. Приехав, объявил того пса и обратил во образе человека. Потом паки учинил псом и оставил при Флоренте.

л. 7
об.

Родитель же ея как усмотрел от дочери своей письма, вскоре поехал, а супругу свою искал, и думал, что пропала, надел черное платье. И как приехал во Италию, Флорента спрашивала его, чего ради он в черном платье. И он объявил, что для безвестной супруге. Она ж показала пса, что вот твоя супруга, и он осерчал думал ехать обратно, то волхв ему показал ее во образе человека и объявил ее действия. Потом повел ея на двор и дал нечто вкусить от руки своей ядовитаго зелья, от чего обратились яко дым и развеяло ветром. Отец же ея приказал область зятю своему Георгию, а сам при них остался. Конец.